

МЕТОДОЛОГИЯ

И.Т. КАСАВИН

Социальная философия науки: истоки, проблемы, перспективы

Дисциплинарный статус социальной философии науки, понимание специфики решаемых в ней проблем получают в статье лаконичное определение. Они представлены в плане как организации междисциплинарного взаимодействия, так и собственно философского их содержания. Автор рассматривает возникновение социальной философии науки как закономерное следствие процесса исследований социального контекста, в котором осуществляется развитие науки.

Ключевые слова: социальная философия науки, философия науки, социальная онтология науки, научная коммуникация.

Социальная философия науки — термин, который был предложен нашим коллективом в рамках проекта РНФ “Социальная философия науки: российская перспектива” (см. [Социальная... 2016]). Уже пять лет мы разрабатываем этот подход. Я перечислю и кратко прокомментирую основные проблемы, которые мы ставим, а также направления их исследования.

Первая проблема: *насколько оправдано введение понятия “социальная философия науки”* в то время, как есть другие аналогичные понятия: “социальная эпистемология”, “историческая эпистемология”, “социология знания”, “STS” и т.д. На какой вопрос помогает ответить введение этого термина? На мой взгляд, это вопрос о том, какова пропорция собственно философии в философии науки. На эту тему до сих пор ведутся дискуссии. Есть исследователи, которые считают, что философия науки — это особая, нефилософская дисциплина. Я и целый ряд моих коллег придерживаемся другой точки зрения: в постановке вопроса о социальной философии науки акцент делается как раз на позиции по этому вопросу.

Как соотносится философское и междисциплинарное содержание социальной философии науки — такова вторая проблема. Применительно к целому ряду философских проблем под вопрос ставится именно это отношение. Есть философские способы осмысления данной проблемы, есть естественнонаучные и социально-гуманитарные подходы. Для философа немаловажно определиться, какую позицию ему занять. Я считаю, что не стоит жестко отделять себя от одного или другого предметного поля. Скорее, можно говорить о том, что философия проблематизирует междисциплинарное взаимодействие,

К а с а в и н Илья Теодорович — доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН. Адрес: Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240.
E-mail: itkasavin@gmail.com

ставит перед ним определенные вопросы, а междисциплинарные исследования дают источник для актуализации философских исследований в смежной области.

Третья проблема: если философия — тип фундаментального знания, *можно ли говорить о прикладном значении социальной философии науки?* Главный результат здесь в том, что эта проблема вообще ставится. В самом деле, наука существует, с одной стороны, как некоторая культурная ценность, и эта традиция идет с самых древних времен. С другой же стороны, наука — предмет социального управления, определенной политики и сама выступает интеллектуальным ресурсом для социальных технологий. Как это соотносится друг с другом? Это и есть проблема, которая формулируется как возможность и необходимость прикладного использования социальной философии науки.

Социальная онтология науки — четвертая проблема, заслуживающая обсуждения. В чем ее смысл? Речь здесь идет о том, что наука как социальный институт и система знания не существует как идея в вакууме, а коренится в некотором образе понятой реальности. Каков ракурс этого понимания, ракурс, который значим для самой науки, техники, интеллектуальной деятельности вообще? Каков специфический способ бытия науки? Иными словами, каким образом наука соотносится с обществом? Здесь мы логично переходим к пятой проблеме: *о роли понятия “контекст” в социальной философии науки*, а также к вопросу, *чем же отличается понятие “социальная философия науки” и, например, “социология и история науки”*, которые тоже используют этот концепт.

Шестая проблема касается *взаимоотношения понятий социальной науки и научной коммуникации*, в чем их сходство и различие. Мое решение, сформулированное в ряде предшествующих публикаций, состоит в разграничении трех типов социальности знания, некоторые из них совпадают с понятием коммуникации в науке.

Соотношение утопии и политики в структуре социальной философии науки, их когнитивная релевантность и неустранимость представляют собой седьмую проблему. Отчасти она совпадает с вопросом о социальной онтологии науки, но здесь речь идет о мировоззренческих и управленческих составляющих этой онтологии. С этим связан и вопрос о социально-гуманитарных технологиях как предмете исследования и конструирования. Тут же, как мы понимаем, и вопрос о прикладном значении социальной философии науки.

И последнее. Мы не выделяем проблематику, посвященную отечественной философии науки, хотя многие советские и российские философы и есть те гиганты, на плечах которых мы сейчас стоим (см., например, [Мамчур, Овчинников, Огурцов 1997]). Однако правильнее рассматривать все эти проблемы с точки зрения взаимосвязи отечественной традиции и традиции западноевропейской, а не их дистанцирования или противостояния. Российская философия всегда была частью того обширного многообразия, которое именуется европейской философией.

В развитие поставленных проблем есть смысл вернуться к термину и понятию социальной философии науки, к соотношению в нем, как говорится, классики и современности. Классическая философия науки прошла несколько этапов развития, в рамках которых зарождались семена новых подходов. Так, уже в 30-е гг. прошлого века, если брать работы Л. Флека [Флек 1999], и конечно, с 1962 г., когда вышла знаменитая книга Т. Куна [Кун 1975], можно говорить о начале поворота к социальной философии науки, хотя сам Кун едва ли об этом догадывался.

Более того, классическая философия науки вообще никогда не была представлена некой единственной парадигмой, на смену которой затем приходила другая. Со сдвигами по фазе постоянно возникали различные течения в философии науки, существовавшие одновременно, порой пересекавшиеся, иногда конфронтировавшие или вообще практически не замечавшие друг друга. В конце концов, как мы сегодня наблюдаем, все это дало ростки для самых разных направлений философии науки, в том числе и диаметрально расходящихся. Было бы неверно говорить, что сегодня уже не существует классической философии науки. Нет, она продолжает существовать в каких-то вариантах, идущих от Ю. Мительштрасса, например, который следует традиции логизированной

философии науки в стиле Венского кружка. Такова же во многом традиция научного реализма, популярная сегодня в США.

Одновременно развиваются альтернативные варианты, инициированные, в том числе, работами Б. Гессена, Л. Косаревой, Л. Микешиной, А. Огурцова, М. Петрова, В. Степина, М. Полани, Дж. Холтона, П. Фейерабенда и др. [Гессен 1934; Косарева 1997; Микешина 2001; Петров 1991; Петров 1992; Степин 2000; Огурцов 1988; Полани 1985; Холтон 1981; Feyeraabend 1975]. В этом смысле социальная философия науки — не нечто, внезапно упавшее с неба, это то, что выросло из предшествующих тенденций, но не артикулировалось с помощью данных терминов.

Для традиционной философии науки имело существенное значение разграничение научного знания и науки, как она существует в обществе, — то ли в качестве института, то ли в качестве определенной мировоззренческой, культурной программы. Те же самые участники Венского кружка утверждают, что наука существует как знание и одновременно как культурный проект. Они разграничивали эти понятия и говорили, что есть люди, которые вполне могут удовлетвориться логической картиной научного знания, развивать эту концепцию и индифферентно относиться ко всем социальным аспектам существования науки. А есть те, которые не могут этого терпеть и хотят развивать науку именно в просвещенческом духе, как средство преобразования общества, потому что научное знание обладает приоритетной истиной по отношению ко всем другим видам знаний и позволяет бороться с мракобесием, идолами разума, ложным мировоззрением и религией.

Когда закончилась эпоха доминирования классической философии науки, тогда противостояние между этими двумя сферами утратило былую актуальность. Этому предшествовал этап, когда обе данные сферы исследовались одинаково обстоятельно, но практически без ссылки друг на друга (логический эмпиризм 1960-х гг., с одной стороны, и история и социология научного знания в стиле Куна — с другой). Социология научного знания, социология науки стали изучать то, что философия науки изучать отказывалась, то есть с одной стороны — институты, а с другой — интеллектуальные проявления науки, которые не попадали в фокус внимания, когда на науку смотрели как либо на реализацию формальной логики, либо на совокупность протокольных предложений. Возникли такие понятия, как неявное знание, картина мира, стиль мышления, парадигма, тема, традиция. Прежде всего в фокус внимания попали социальные представления в науке. Например, книга Д. Блора [Bloor 1976] так и называется “Knowledge and social imagery” (“Знание и социальная образность”). Хотя слово *imagery* довольно трудно точно перевести с английского. Это совокупность представлений и образов.

Вот чем начала заниматься социология научного знания: взаимоотношением научного знания в традиционном понимании и когнитивных элементов, которые традиционно в науку не включались, но которые курсируют в обществе. Понадобился довольно долгий период такого обособления этих двух сфер, которые очень хорошо фиксируются в работах Е. Мамчур [Мамчур 1987]. Все ее книги пронизаны идеей отделенности социокультурной сферы от сферы научного знания. Она даже сожалает об этом, но не может не отмечать данного обстоятельства. Она фиксирует тот самый этап развития философии науки, когда эти области друг другу противостоят. Постепенно люди стали понимать, что здесь нет противостояния, что научные знания не могут существовать иначе, кроме как в социальных формах и образах. Иное дело — насколько внимателен взгляд исследователя науки, насколько глубоко он проникает в содержание научного знания не для того, чтобы понять саму научную истину, а для того, чтобы увидеть за научной истиной, что все это произведено людьми и в коммуникации людей друг с другом, что все это сделано в социуме, который несет в себе конкретные исторические, эпохальные черты, от которых никуда не денешься [Фуллер 2005].

Примеров тому очень много. Недавно мы обсуждали книгу, написанную историком науки XIX в. и посвященную “забавной” теме: пытали на самом деле Галилея или нет [Wohlwill 1877]. Автор поднял большую литературу по этому вопросу, чтобы однозначно доказать, почему это важно. Известно, что Галилей отказался от своего тезиса, что

Земля вертится, и отказался от всей концепции гелиоцентризма. Стало быть, если его не пытали, значит, убедили рациональным путем. Убедили теологи, приводя рациональные аргументы о ложности этой концепции. Если бы пытали, то любой бы отказался от чего угодно.

Итак, деятельность ученых не отличается от деятельности других людей в том смысле, что все они живут в обществе, испытывают гнет социальных потребностей, перспективы социальных иллюзий, каких-то идеалов, норм, которые существуют в обществе и транслируются в науку. Вместе с тем и наука, становясь достаточно влиятельным социальным институтом, сама транслирует что-то в общество. И здесь уже очень сложно провести жесткое различие между научным знанием, как оно есть и независимо от всего остального существует, и научным знанием, как оно вплетено, причем совершенно незаметно для подавляющего большинства людей, в нашу повседневную жизнь. Здесь возникает фигура исследователя, который предлагает изучать все это естественнонаучными средствами и редуцировать научное знание либо в какой-то деятельности мозга или деятельности человеческого тела, либо же редуцировать это к данным социально-гуманитарных наук, которые должны объяснить научные знания исходя из того, что человек — культурное существо.

Итак, роль философии состоит в том, чтобы ни ту, ни другую позицию не принимать без тени сомнения, а каждую из них проблематизировать и видеть как определенные нестыковки и недостатки, так, может быть, и дополнительность этих позиций. Необходимо критически, рационально оценивать все аргументы и *представлять науку не просто как предмет незаинтересованного объективистского исследования, а как фокус современного общества, который меняет всю нашу жизнь, делает перспективы интересными, рискованными и загадочными*, одним словом, *науку как глобальную философскую проблему*. В этом я вижу основное значение социальной философии науки и ее отличие от других, даже современных дисциплин, науку изучающих [Collins, Evans 2002; Fuller 2007].

Каков же дисциплинарный статус социальной философии науки? С давних пор, со времен У. Хьюэлл [Хьюэлл 2016] философия науки в целом является дисциплиной, и я надеюсь, что так будет и впредь. *А социальная философия науки — это один из подходов, и подход изначально медиативный, то есть нацеленный на взаимодействие с другими дисциплинами*. Он предлагает преодолевать свойственную всякому специалисту инерцию, активнее общаться с филологами, психологами, историками, социологами, экономистами, да и всеми остальными — физиками, биологами, инженерами. Пусть мы все по-разному воспитаны. С одной стороны, привычки общаться у нас “в крови” маловато, в Институте философии РАН подавляющее большинство именно философов, а это создает дополнительное препятствие междисциплинарным контактам. Несколько иначе живут люди в университетах, где есть факультеты социальных наук. Например, в немецких университетах до сих пор есть философский факультет, который объединяет почти все гуманитарные и социальные науки. Возможно, там люди общаются несколько иначе.

Природе социальной философии науки принадлежит императив научного и междисциплинарного общения, это генеральная перспектива развития, которая сегодня получила название “зоны обмена” [Galison 1999]. Социальная философия науки сознательно и целенаправленно выходит на проблематику зоны обмена и на то, каким образом философ, гуманитарий вообще, может выступать медиатором в общении различных ученых. Это изначально принадлежит замыслу социальной философии науки.

В заключение обратимся к простой схематической аналогии (они нередко весьма эвристичны). Вот идет человек по улице. В первую очередь, он заинтересован в том, чтобы пройти дистанцию от *А* до *Б*, при этом не упасть, не испачкаться, не задеть прохожих. Он узко сфокусирован. Его взгляд устремлен к цели и, по большому счету, он не замечает, что делается вокруг, хотя там много всего происходит. Помимо тех, кто имеют шанс с ним непосредственно столкнуться, ходят и другие люди, есть даже очень интересные, но он их не замечает, летают птицы, ездят автомобили, некоторые из них, например, представляют собой просто музейные экспонаты ценой в миллион долларов, но человек не обращает на это внимания. Вот звери в московских парках, какие-нибудь белки. Он

этого не замечает: он стремится к цели. У него фокусное сознание. Он — исследователь, ищет истину, а контекста своей деятельности и коммуникации не видит. Этот контекст остается за бортом. Периферийное сознание его не заботит.

Так вот, социальная философия науки — это такой проект, который возвращает индивиду, движемусь к цели, все богатство его окружения. По крайней мере, она старается это сделать, осознавая, что это довольно обременительная установка — не только фокусировать свое сознание на непосредственных задачах, но и хоть краем глаза схватить окружающую действительность. Важно не упускать из виду, как мир многообразен и прекрасен, что еще жив сам этот человек, что у него уже много было позади, но впереди может быть еще больше интересного, несмотря на то, что сейчас он всего лишь идет в магазин за хлебом.

Именно возвращение науке всего богатства социальной и культурной жизни, в которую она *de facto* погружена, и есть главная идея и проект, лежащие в основе социальной философии науки. Вернуть все избыточное социокультурное содержание, от которого современная наука пытается в значительной степени отвлечься, в научный дискурс — значит понять науку по достоинству, как глобальную социальную и мировоззренческую проблему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гессен Б. М. (1934) Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Государственное технико-теоретическое издательство.
- Косарева Л.С. (1997) Рождение науки нового времени из духа культуры. М.: Институт психологии РАН.
- Кун Т. (1975) Структура научных революций. М.: Прогресс.
- Мамчур Е.А. (1987) Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М.: Наука.
- Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. (1997) Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Микешина Л.А. (2001). Философия познания: диалог и синтез подходов // Вопросы философии. № 4. С. 70–83.
- Огурцов А.П. (1988) Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука.
- Петров М.К. (1992) Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: РГУ.
- Петров М.К. (1991) Язык. Знак. Культура. М.: Наука.
- Полани М. (1985) Личностное знание. М.: Прогресс.
- Социальная философия науки (2016) / Под ред. И. Т. Касавина. М.: Альфа М.
- Степин В.С. (2000) Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция.
- Флек Л. (1999) Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.
- Фуллер С. (2005) Антропная или кармическая альтернатива: модернизация научно-религиозного дуализма для XXI века // Эпистемология и философия науки. № 4. С. 181–191.
- Холтон Дж. (1981) Тематический анализ науки. М.: Прогресс.
- Хьюэлл У. (2016) Философия индуктивных наук, основанная на их истории. М.: КНОРУС.
- Bloor D. (1976) Knowledge and social imagery. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Collins H.M., Evans R.J. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Sciences. Vol. 32. No. 2. Pp. 235–296.
- Feyerabend P. (1975) Against Method. Outline of the Anarchist Theory of Knowledge. London: New Left Books.
- Fuller S. (2007) New frontiers in science and technology studies. New York: Polity Press.
- Galison P. (1999) Trading zone: Coordinating action and belief // The Science Studies Reader. New York: Routledge. Pp. 137–160.
- Wohllwill E. (1877) Ist Galilei gefoltert worden? Eine kritische Studie. Leipzig: Duncker & Humblot.

Social philosophy of science: origins, problems, prospects

I. KASAVIN*

*Kasavin Ilya — PhD, correspondent-member of the Russian Academy of Sciences, chair of the Department of Social Epistemology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Address: 12/ bld. 1, Goncharnaya st., Moscow, 109240. Russian Federation. E-mail: itkasavin@gmail.com

Abstract

The article gives a concise definition of the disciplinary status of the social philosophy of science and the specifics of the problems solved in it. They are represented both in terms of the organization of interdisciplinary interaction, and in terms of their own philosophical content. The author considers the emergence of the social philosophy of science as a natural consequence of the process of social context research, in which the development of science is carried out.

Keywords: social philosophy of science, philosophy of science, social ontology of science, scientific communication.

REFERENCES

- Bloor D. (1976) *Knowledge and social imagery*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Collins H.M., Evans R.J. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Sciences*, vol. 32, no. 2, pp. 235–296.
- Feyerabend P. (1975) *Against Method. Outline of the Anarchist Theory of Knowledge*. London: New Left Books.
- Fleck L. (1999) *Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya mishleniya i mislitel'nogo kollektiva* [The emergence and development of a scientific fact: Introduction to the theory of the style of thinking and the thinking collective]. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi.
- Fuller S. (2005) Antropnaya ili karmicheskaya alternativa: modernizatsiya nauchno-religioznogo dualizma dlya XXI veka [Anthropic or karmic alternative: modernization of scientific and religious dualism for the 21st century]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no. 4, pp. 181–191.
- Fuller S. (2007) *New frontiers in science and technology studies*. New York: Polity Press.
- Galison P. (1999) Trading zone: Coordinating action and belief. *The Science Studies Reader*. New York: Routledge, pp. 137–160.
- Gessen B. M. (1934) *Sotsialno-ekonomicheskie korni mehaniki Nyutona* [Socio-economic roots of Newtonian mechanics]. Moscow–Leningrad: Gosudarstvennoe tekhniko-teoreticheskoe izdatel'stvo.
- Holton G. (1981) *Tematicheskiy analiz nauki* [Thematic analysis of science] Moscow: Progress.
- Kosareva L.S. (1997) *Rozhdenie nauki novogo vremeni iz duha kulturi* [The birth of modern science from the spirit of culture]. Moscow: Institut psikhologii RAN.
- Kuhn T. (1975) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress.
- Mamchur E.A. (1987) *Problemy sociokulturnoy determinatsii nauchnogo znaniya* [Problems of socio-cultural determination of scientific knowledge]. Moscow: Nauka.
- Mamchur E.A., Ovchinnikov N.F., Ogurtsov A.P. (1997) *Otechestvennaya filosofiya nauki: predvaritelnye itogi* [Domestic philosophy of science: preliminary results]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Mikeshina L.A. (2001) *Filosofiya poznaniya: dialog i sintez podkhodov* [Philosophy of knowledge: dialogue and synthesis of approaches]. *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 70–83.
- Ogurtsov A.P. (1988) *Disciplinarnaya struktura nauki. Ee genezis i obosnovanie* [Disciplinary structure of science. Its genesis and justification]. Moscow: Nauka.
- Petrov M.K. (1992) *Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo* [Self-consciousness and scientific creativity]. Rostov-na-Donu: RGU.
- Petrov M.K. (1991) *Yazyk. Znaki. Kultura* [Language. Sign. Culture]. Moscow: Nauka.
- Polanyi M. (1985) *Lichnostnoe znanie* [Personal knowledge]. Moscow: Progress.
- Sotsialnaya filosofiya nauki* [Social philosophy of science] (2016) Ed. I. T. Kasavin. Moscow: Alfa M.
- Stepin V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge. Structure, historical evolution]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Whewell W. (2016) *Filosofiya induktivnykh nauk, osnovannaya na ih istorii* [Philosophy of inductive sciences, based on their history]. Moscow: KNORUS.
- Wohllwill E. (1877) *Ist Galilei gefoltert worden? Eine kritische Studie*. Leipzig: Duncker & Humblot.